

— Покамест жись не проживёшь, не поймёшь её на всю катушку, — сказал на поминках своей жены дядя Вася, фронтовик-орденоносец.

— Выходит, счас мы её понимаем согласно прожитым годам? — переспросил один из молодых мужиков, подмигнув сидящим напротив одногодкам.

— То-то и оно, — беззлобно подытожил дядя Вася.

Эта история началась в военное лихолетье в одном из старинных сибирских сёл.

В мирное время все её участники смирились, решив, что нечего ворошить прошлое, всё быльем поросло. Давно отплакали похоронки, давно... Так-то оно так, да не всё, оказывается, спасительной коростой берётся. Иные раны только колупни — и хлынет из них прежняя обида. Видно, так устроен человек — ничего не может забыть. Ни плохого, ни хорошего.

Однако надо потихоньку рассказывать...

Сорокалетний Максим Новожилов спешил к Серёге Московских — похмелиться. На дворе стоял май 1974 года. Накануне, девятого числа, всем селом широко отмечали День Победы, а через неделю гуляли на юбилее своего бригадира, вернее бригадирши, заодно и на заслуженный отдых её проводили. Словом, месяц каким-то шибко пьющим получился.

Жена, услышав, как Максим засобирился чуть свет (на кухне он нечаянно зацепил какую-то посудину), проводила его знакомыми словами: «С утра пораньше рюмки собирать...» И перевернулась на другой бок — досматривать сладкий сон. Но тут же вспомнила, что в стойке ждёт ухода скотина, перво-наперво корова Зорька. Женщине даже показалось, что она уже пару раз зазывно промычала.

Серёга Московских, примерно одного возраста с Максимом, только встал. Присев на крыльце своего дома, он неспешно курил, наблюдая, как по ограде бродят курицы с инкубаторским петухом и что-то изредка поклёвывают. Появлению закадычного дружка он искренне обрадовался, ведь после вчерашней гулянки в совхозной столовой поламывало головушку и томило чувство зелёной тоски, а отогнать её пока было не с кем. А тут на тебе — как по заказу Максим нарисовался.

Мужики радостно засуетились, Серёга — с разведкой в дом. Супруга Гутя направляла постель пикейным покрывалом. В окошко она видела, как пришёл Максим, и сразу всё поняла:

— Максим-то чё заполошился? Приспичило! И когда вам эта водка попереёк горла встанет... Вчера мало наладились? Больше всех, наверно, выпили... И чё вас Вера Алексеевна позвала?.. Подумаешь, передовые комбайнеры, надёжные работники... Своей родни здесь почти не осталось, вот и вы сгодились за компанию. Хорошо, что мы с Машей не потащились с вами, а то со стыда бы сторели.

Серёга даже был рад такому разговору. Значит, ничего нового: поворчит-поворчит для порядка и перестанет. «Наладились»... Слово-то какое кошачье подобрала. Эх, баба есть баба! Где ей понять, что у мужиков иногда так трубы горят, что нет никакого терпежу.

— Сена корове дал? — приставала Гутя.

— Дал-дал, — ответил скороговоркой Серёга, лихорадочно ища стаканы в кухонном буфете.

— Где смотришь... На нижней полке в углу стоят, — подсказала Гутя, — не видишь, чё ли?

Последняя фраза жены окончательно успокоила Серёгу — похмелиться можно было спокойно, без ругани, которую он физически не переносил. Терпел изо всех мужицких сил! И только в крайних случаях — чего греха таить — давал ход рукам.

Дружки расположились в летней кухне, где с утра топилась печь, на которой в больших кастрюлях готовилось варево для свиней.

Пока в чугунной сковороде жарилась глазунья на ломтях сала с мясными прослойками, Серёга слазил в подвал за трёхлитровой банкой солёных огурцов. В общем, закусон получился самое то. В предвкушении заветного ритуала мужики похотывали, вспоминая вчерашний кураж и проделки особо «налакавшихся».

— Кенча-то отмочил номерок! — воскликнул Максим. — Небось, теперь Шурка ему мозги на место вправляет. Надо же додуматься: на глазах жены зажал в угол Таньку. Ей-то ладно, она холостая, а Кехе я счас не зави-и-идую. А ветераны молодцы — на своих ногах все ушли. — И резко перешёл к волнующей теме: — Садись, хватит гоношиться, в горле всё пересохло...

Серёга поставил на стол сковороду с аппетитной жарёхой, метеором сбегал в кладовку, принёс оттуда заначку — поллитровку водки с этикеткой «Столичная». Распечатывая бутылку, он подмигнул дружку:

— Поправим головы, чё ли? — и с вожделием стал разливать спиртное в гранёные стаканы. — Покамест по сто грамм, а там посмотрим...

На «посмотрим» Максим никак не отреагировал, потому как это обещание практически ничего не значило, ведь была только суббота.

— Поехали! — махнул рукой Максим, поднимая долгожданную похмельную порцию.

Дружки чокнулись, почти разом выдохнули в сторону, трепетно понесли стаканы к губам... Как вдруг с улицы донёлся раскатистый выстрел, следом — женский пронзительный крик.

— Тыфу ты, прям под руку! — выругался Максим.

— Это на улице, — сообразил Серёга, и мужики, наспех опрокинув содержимое стаканов в рот, поспешили из летней кухни.

За воротами, уже в конце улицы, они увидели удаляющуюся водовозку. Машины то и дело подбрасывало на кочках и колдобинах, хотя скорость была небольшой.

Возле ворот дома наискосок, где жила семья Спиридоновых, лежал мужик в ватной телогрейке, над которым склонилась и причитала грузная женщина. Дружки сразу узнали тётку Наталью — Спиридониху, как звали её в селе.

— Царица небесная! Да как же это?! Среди бела дня! Господи, за что тако наказание! — выкрикивала она, время от времени простирая руки вверх.

— Дядя Федя, чё ли? — догадался Максим, подходя ближе.

— Ага, вроде он, — согласился Серёга.

Мужики прибавили шаг. Так и есть — Фёдор Спиридонов! А над ним — его жена Наталья.

— Живой, дышит? — Максим встал на колени и хотел прислониться ухом к груди Фёдора, но, вовремя заметив в области сердца кровавую дырочку, из которой почему-то не текла кровь, произнёс: — Вроде в сердце угодили.

— Мёртвый, чё ли? — тётка Наталья принялась ещё пуще реветь.

— Подожди раньше времени причитать, тётка Наталья, может, просто ранен, — пытался успокоить Спиридониху Серёга.

— Подождите-ка, — изловчившись, Максим всё же припал ухом к левой стороне груди лежащего на земле.

— Ну... чё? Бьётся — нет? — не терпелось узнать тётке Наталье.

Максим оторвался от груди Фёдора и, коротко взглянув на Серёгу, слегка помотал головой из стороны в сторону.

— Сходи за водой, тётка Наталья, — Максим хотел спровадить женщину в избу.

— А вода-то зачем? — не понимала та. — Дышит, чё ли?! — взмолилась тётка Наталья.

— Ты иди принеси сначала, — настаивал Максим. Та послушалась и побрела в дом, а потом, будто чему-то поверив, ускорила шаг.

На месте происшествия собирались соседи. Они толпились вокруг тела Фёдора Спиридонова. Кто-то предложил сбегать за участковым, кто-то — за фельдшером, чтобы тот констатировал смерть. За тем и другим побежали шустрые пацаны. И все спрашивали у Серёги с Максимом, кто стрелял в Фёдора Егоровича? Те отвечали, что сами не знают, увидели, когда тот уже лежал на земле. И что видели уезжающую водовозку. Все вопросы разрешила вышедшая из дому тётка Наталья. Без воды — догадалась, что ни к чему. Она тяжело спустилась с крыльца, медленно подошла к телу убитого мужа. И, с трудом сдерживая слёзы, стала рассказывать:

— Это Васька Большаков стрельнул, когда воду подвозил. Я в избе была, слышу у них разговор всё громче и громче. Я вышла на крыльцо, смотрю — ворота полые стоят, спрашиваю своёва: «Чё случилось?» А он мне: «Иди в дом, сами разберёмся!» Я ишшо дверь за собой не закрыла, как выстрел грохнул. Вижу, мой Федя заваливается на пустые бочки... Этот гад даже воды не успел налить! Сползает мой Феденька так на землю... — Спиридониха снова заголосила. Женщины стали её утешать, одна из них сбегала в дом за водой. Отпив глоток из ковшика, тётка Наталья собралась с духом и дорассказала, что видела. — А Кузьмич прячет свой карабин в кабину. Ишшо крикнуть мне успел: «Из-за тебя, змея подколодная!»

— А чё это он так сказал? — не понимали соседки.

— Всё вам расскажи! — вдруг обиделась тётка Наталья. Она явно что-то утаивала и раньше времени не хотела признаваться.

— Ну не говори, тока участковый всё равно допытает, потом жене Лариске расскажет, а та по всей деревне разнесёт, можешь не сомневаться, — за всех раскудила соседка тётка Груня.

— Не знаю я покамест, чё этому Ваське в голову ударило. — Спиридониха вытерла краем одежды опухшие от слёз глаза и попросила: — Мужики, давайте его хоть в дом или сени перенесём, чё ж он тут валяться-то будет, а?

Однако односельчане прикинули, что до прибытия участкового нельзя ничего трогать, надо только прикрыть простыней бездыханное тело и ждать. В ожидании фельдшера (он вскоре прибыл из больницы) и милиционера (кто-то видел, как он собирался на последнюю в сезоне подлёдную рыбалку) решили, что надо найти Василия Кузьмича, пока тот не скрылся куда-нибудь, да и себя заодно не порешил. В селе его уважали за человечность и отзывчивость, к тому же был он участником Великой Отечественной войны и знатным механизатором. Как ударника коммунистического труда его ещё в районной газете пропечатали. Словом, на северную пенсию в пятьдесят пять лет проводили с почётом. Однако без работы новоявленному пенсионеру долго не пришлось сидеть: по просьбе директора совхоза, ветеран стал подвозить воду к частным подворьям. И вот на тебе — убийство! Людям не верилось, что такую расправу мог совершить именно дядя Вася, такой положительный со всех сторон. На праздновании Дня Победы в его честь секретарь партийной организации совхоза говорил в его адрес тёплые слова поздравления, мол, Василий Кузьмич Большаков — единственный в селе кавалер ордена Славы, все должны им гордиться... И тут такое! Кто-то предположил, что с ним в машине мог быть кто-то второй, но тётка Наталья упорно твердила: «Он это был, один!»

Разыскать «подозреваемого» вызвались Максим с Серёгой. Впрочем, что было его искать, когда, перейдя на соседнюю улицу, мужики увидели стоящую возле дома Кузьмича водовозку. В ограду мужики заходили с опаской: кто может поручиться за бывшего фронтовика, умелого охотника, имеющего на руках карабин.

Предполагаемый убийца оказался в своей избе. И не то что не сопротивлялся, даже не удивился, что к нему пришли. В прихожей на столе стояла початая бутылка водки с нехитрой закуской. Как-то очень естественно к выпивке присоединились Серёга с Максимом. Завязался разговор.

— Чё, небось, ишшо не похмелились после вчерашнего сабантуя? — совсем обыденно поинтересовался фронтовик.

— А ты чё, дядя Вася, не пришёл? — поинтересовался Максим. — Бригадирша ты спрашивала, хотела даже послать за тобой. Грит, больше тридцати лет мы с Василием Кузьмичём вместе отмантулили, бывало, с работы сутками не вылезали.

— И без меня было кому стаканами стукаться, — равнодушно махнул рукой Кузьмич. — Так-то Алексеевна безвредная баба, труженица настоящая, постарше меня, а всё работала до последнего, не выгнать её с совхоза было. — И вдруг Кузьмич повысил голос: — Вы-то чё припёрлись?! Посмотреть, как я загибаться в петле буду?.. Или раскаиваться тут перед вами?!

— Ты чё дуру-то гонишь, дядя Вася! — хотел сходу осадить настрой Кузьмича Серёга.

— Ага, две дуры, — обиделся тот, но голос его вдруг дрогнул — сделался спокойным. — Наливайте мужики, покамест есть время — изложу всё по порядку, а то увезут в каталажку, и никто в деревне не будет знать истинную правду. Из-за чего я его порешил... Давно надо было этого гада отправить на тот свет, тем более за чё...

— Кто старое помянет, тому глаз вон. Слышал поди?! — выпалил Серёга.

— Собаке — собачья смерть! А это ты слышал, сынок? — подражая голосу Серёги, ответил Кузьмич. И в следующую минуту зло, с напором произнес: — «Кто старое помянет»... Эта память другая, она никаким меркам, никакому суду не поддаётся. Вы-то это понять должны, тоже хлебнули в войну через край, — последнее слово у него словно застряло в горле, и он с силой выдавил его из себя. Чувствовалось, что рассказчик крепится из последних сил, хорохорится, не хочет показать свою слабость и пустить на морщинистые щеки слёзы.

— Ладно, дядя Вася, чё было, то прошло. Выжили и ладно, — спокойно произнёс Максим.

— Кто старое вспомянет... — не успокаивался фронтовик. И тут он не сумел сдержаться, всхлипнул — жалко так, беспомощно. — Он, гад, под Можайском был?.. Когда остатки нашего взвода фрицы в плен брали? Полуживых, окоченелых, без патронов... Считаю, голыми руками нас взяли и погнали в атаку впереди немецких танков и ихних автоматчиков. Бежишь и думаешь: от счас ты или своя пуля сшибёт, или танк сзади раздавит. Я уж с матерью попрощался, Наташку за чем-то вспомнил, как провожала меня на фронт...

Мужики переглянулись — вот она, где собака-то зарыта. Но пока промолчали.

— Всё, думаю, хана те, Васька, отбежался на этом свете, — Василий Кузьмич не спеша достал носовой платок из кармана старых галифе и высморкался.

Всё это время дружки молча наблюдали за движениями фронтовика, боясь своими расспросами сбить его с мысли.

— Чё дальше-то было? — всё же не вытерпел Серёга.

— А чё дале? — снова заговорил Кузьмич, возвращая платок на прежнее место. — Вижу: один танк впереди наши пушки подбили, другой вроде сбоку загорелся... Надо, кумекаю я, падать в снег и представиться убитым. Упустишь такой момент — верная смерть, держать за просто так нас немцы боле не будут. Попробовали использовать в атаке — не вышло, а дале одна дорога — на небо, со святыми обниматься. Ага... Со мной рядом, в метрах пяти-шести мой земляк бежал — Ванька Перетолчин, его в аккурат в конце войны миной зацепило... по дурости...

— Насмерть? — на этот раз не вытерпел Максим.

— Ишшо как! В клочья разорвало, с дерева оторванную ногу сымали. По частям собрали, чё от него осталось, в плащ-палатку завернули и снесли в братскую могилу.

— Много схоронили? — уточнял Максим.

— А хто их считал! Много, конечно, на то она и братская могила.

— Понятно, — загрустил Максим, представив в этой братской могиле своего погибшего отца.

— А я вот живой остался, до сих пор небо копчу. Правда, три раза в госпиталь попадал. Первый раз, када контузило. Сильно я тогда обморозился, январские морозы под Калугой стояли, как у нас в Сибири. Долго в воронке без сознания пролежал... Свои меня, видать, за мёртвого посчитали, раз не обнаружили на поле боя. Так бы не оставили, а меня землёй вперемежку со снегом от взрыва снаряда всего засыпало, так и лежал без движения, никаких признаков жизни не подавал... Повезло ишшо, что осколки как-то мимо пролетели. Тогда-то вот и извещение матери отправили, что я пропал без вести. А я очухался, вылез из-под комков земли. Осмотрелся — уже стемнело, никого живых вокруг. Жутко стало! Хорошо, что хватило сил выйти на дорогу, и меня случайно подобрала санитарная полуторка. Как бог послал!

— Действительно, чудо, — удивился Максим.

— В госпитале, правда, долго не мог вспомнить, как меня зовут, и первое время совсем говорить не мог, потом речь вернулась, но долго заикался. А второй раз в ногу осколком ранило, кость, само главное, не задело.

— Это где? — сразу поинтересовался Серёга.

— А от тут, — ветеран двумя пальцами показал чуть выше щиколотки, — заросло, как на собаке, быстро на поправку пошёл и снова на передовую попал. А уж на третий раз, в Польше, здорово мне досталось. В левое плечо и спину прилетели осколки, када я сапёром был, разведчикам путь от мин расчищал. Фрицы нас обнаружили и давай обстреливать, пришлось под огнём противника мины обезвреживать. Счас сам дивлюсь, ведь я тогда о смерти совсем не думал. Думал тока, как бы сознание не потерять, чтоб мины убрать. Командованию позарез «язык» был нужен, так что ребята всё-таки нахально сползали до траншей немцев, не отступили, там какого-то офицера захватили, кляп ему в рот и назад. А я в это время ждал их, много крови потерял. Думал, всё, кончился Васька Большаков. Орден Славы мне уже в госпитале вручали. Один осколок малость кость задел. Вишь, у меня рука-то чуток подсуховатая, — показал фронтовик свою левую руку. — Из-за этого медкомиссия и списала, а то бы я до Берлина дошёл. Наша часть уже на Германию шла.

— Так уж прямо на Германию? — засомневался Серёга.

— Не отвлекай Кузьмича, пускай дорасскажет про Можайск, — Максиму не терпелось узнать, чем закончилась можайская история.

— Ага, ну дак от... — Василий Кузьмич вопросительно глянул на слушателей: — Забыл, на чем остановился-то?

— Бежишь ты рядом с Иваном Перетолчиным... — подсказал Максим.

— А... ну! Кричу ему: «Ванька, падай в снег! Падай — будто мёртвые». Он сразу сообразил, чё к чему, упал в первую попавшуюся воронку, за ним — я, в другую. Лежим — ни живы ни мёртвы. Кругом тока ух-ух — снаряды рвутся, того и гляди осколками тя зацепят... Как по заказу, снежишке повалил, нас заваливат, маскирует вроде... Потом слышу, гусеницы начали лязгать уже где-то сзади. Я чуть голову приподнял, вижу сквозь снежную занавеску: которы немецки танки целы остались — назад пятятся, поворачивают от нас, а ихни автоматчики наших пленных солдат напоследок на месте пристреливают. Безоружных, гады, кончают! — фронтовик опять заплакал. — Старый стал, нервы не выдерживают, — оправдывался он.

— Всех, чё ли, прикончили? — подавленно спросил Серёга.

— А кто знат — всех, не всех... К своим тока мы вдвоём вернулись. Прележали дотемна в снегу, протряслись от холода, как тузики в дырявой конуре — в одних гимнастёрках же были... А как стемнело, где ползком, где бегом — к своим. Повезло ишшо, что немцы в этот день нову атаку не затеяли, а то бы и обманом не спаслись.

Кузьмич закончил рассказ. На мужиков он произвёл удручающее впечатление. Стали уточнять, первым начал Серёга:

— А как свои-то не пристрелили, когда пробирались к ним?

— Как, как?... Подползли ближе к окопам, различам уже солдат в наших касках и кричим: «Свои, не стреляйте!»

— Да-а-а, чё только на войне не случилось... И особый отдел потом не тронул? — продолжал интересоваться Максим.

— Как-то с рук сошло. Особисту в этот день не до нас было, его ранило, он в санбат подался, а нового вместо него не успели прислать. Мы в плену-то меньше суток были. С командиром поговорели, мужик стоявший попался, поверил. Да и мы не подвели, наутро была атака, и мы с Ванькой оружие в бою сами добыли. Я фрицу чуть горло не перегрыз, от така во мне злость звериная была! Придушил гада, тока горло хрустнуло... Схватил его шмассер и — дале, вперёд! А уж как капитану удалось нас в свою роту записать — не знаю. Он не говорил, а мы не спрашивали, воевать оставил — и на том спасибо. Даже красноармейские книжки как-то нам потом раздобыл.

— А-а-а, — протянул Серёга, — значит, повезло. Выходит, судьба? А, Кузьмич?

— А чёрт её знат! Судьба — не судьба! — с досадой махнул рукой фронтовик, вспомнив, что он натворил всего с час назад. — Судьба мне была сёдня убить Федьку?!

— За чё хоть? — спросил Максим.

— Езли в двух словах, то за сынка своёва.

— Какого своёва? — враз спросили мужики.

— Да было дело... Я уж говорил, что на фронт меня Натаха провожала. Мне сначала как трактористу «бронь» давали, а потом всё равно забрали. Да я и сам хотел воевать, мне ж тогда уже почти двадцать два года стукнуло, не пацан, оружие в руках держал... А перед етим мы на сеновале с ей две ночи прощались. Всё по согласию у нас было, тянуло друг к другу. Я и не знал ничё, что понесла она от меня, писем от её не получал. Да я и сам не успел ей написать. Всё бои, бои, матери-то успевал хоть пару строк в окопе черкнуть, и то ладно. А потом эта контузия, извещение, мол, пропал без вести, госпиталь... История длинная, мужики...

— Кузьмич, так тётка Наталья твоей невестой, чё ли, была? — хотел заострить эту тему Серёга.

— Была, да сплыла, — попытался отшутиться Кузьмич, ему не хотелось об этом говорить с молодыми мужиками.

— Да чё ты говоришь! Ты посмотри, а? — не переставал удивляться Серёга. — Я думал, она клуша клушей, а она... — встретив строгий взгляд Василия Кузьмича, он осёкся. — Ладно, молчу, рассказывай, как всё было.

— Ничё я вам рассказывать не буду. Чё было промеж нам — с нами и останется!

— Следователь-то всё равно допытается, — рассудил Максим.

— Следователь — это друго дело, он человек казённый, на службе, тут уж некуда деваться, ему откроюся как на духу. А вас, молокососов, это не касается,

сосунки ишшо — не поймёте. Одно могу сказать: прибить этого гада надо было сразу, как тока с фронта домой вернулся. Да Наталью пожалел — беременна она от его была.

— Ничё себе молокососы, по сороковнику жажнуло, — пытался возразить Максим.

— Поживите с моё! А покамест вы жись не полностью понимаете, хоть и мужики с вас получились справные — правду от кривды сумеете отличить.

— Василий Кузьмич, ты зубы нам не заговаривай, покамест участковый не прибыл — рассказывай давай, — настаивал Серёга.

Ветеран понял, что от него не отстанут, и сдался, предупредив:

— Будете перебивать — замолчу.

— Рассказывай, Василий Кузьмич, будем молчать как рыбы, — пообещал за двоих Максим.

Участковый всё не подъезжал на место преступления. Наталья сидела одна в доме, никто из односельчан не осмеливался к ней зайти. В голову пожилой женщины лезла только одна думка: всё-таки отомстил Василий — и ей, и Фёдору. Столько времени прошло, а вот, поди ж ты, не забыл.

Память выхватила из прошлого тот самый момент, когда Фёдор, комиссованный в конце сорок второго, вернулся в деревню. Разрывная пуля угодила парню в коленный сустав, сильно покалечив его ногу. По первости заливал он горе самогонкой, мол, остался на всю жизнь сильно хромящим инвалидом. Плакал, что «ни одной девке теперь не нужон, такой-то уродливый, хоть и с медалью «За отвагу». Вспомнил на дурную головушку, что Наташка, за которой он бегал чуть ли не с малолетства, теперь бабой стала, ребёнчишка прижила — вроде от Василия Большакова успела забеременеть. А тот без вести пропал: с каких пор ни весточки от него. Погиб, видать.

Дорога открыта, решил Фёдор, никто теперь не может ему помешать. Через несколько недель сомнений он подкараулил-таки Наталью возле бани, стоящей на пологом берегу реки. Событьльник Гонька-чокнутый, инвалид с детства, подсказал, что видел Наталью в сельмаге, та сказала продавщице Польке, что отправится сегодня в баню.

Подлез к ней Фёдор, перед этим выпив стакан самогонки без закуски, как змей подколодный:

— Наташка!

Наталья, переживавшая на завалинке жар в бане, оглянулась — не послышалось ли, в полумраке никого не видно.

— Наташка! — Фёдор вышел из-за угла бани.

— Федька, чё ли, — признала парня Наталья.

— Я. Кто ж ишшо в таку пору к те придёт, — начал тот вкрадчиво.

— Да я и не жду никого. Ты-то чё заявился? Да ишшо так крадучись?

— Поговореть с тобой хотел. Всё думал, решиться никак не мог. Боязно — вдруг прогонишь, — издали подкрадывался Фёдор.

— Для разговоров дня, чё ли, мало? — Наталья ещё не разгадала намерений парня.

Стараясь не прихрамывать, Фёдор приблизился совсем близко:

— В бане собралась мыться?

— Да вроде суббота сёдня, все моются, кто не хочет грязью зарасти.

— Спинку потереть? — неожиданно даже для самого себя выпалил парень.

Наталья оторопела от такой наглости и не сразу нашлась, что ответить.

Видя замешательство Натальи, Фёдор стал напирать:

— А то крикни, если чё, я тут, за углом постою.

— Очумел, чё ли?

— А чё, вроде не чужие люди, раз даже поцеловались, помнишь — на заимке?

— Нашёл чё вспоминать! Это ты ко мне пристал тогда, успел к губам приспособиться, я-то не ответила те — или подзабыл? Да и када это было-то?! В детстве, считай.

— Всё равно было же.

— Не всё равно. Не ходи за мной! Лучше выбери себе девку какую, вон их сколь вокруг. Одни, без женихов пропадают.

— Мне ты нужна, — потупил взгляд парень. — Или брезгуешь меня, хромого-то?

— Как чё сказанёшь... Забудь, Федя, про свою затею. Или не знаешь, что сынок у меня от Василия Большакова? Не успели просто свадьбу сыграть, как его на войну заграбастали. Вернётся — распишемся. Всё как у людей будет.

— Не вернётся твой Васька, — Фёдор на миг сам удивился сказанному, но слово не воробей — сочиняй тогда дальше.

— Это как не вернётся? — стала сомневаться Наталья.

— А так... На моих глазах погиб... смертью храбрых, — на ходу стал придумывать парень.

— Врёшь ты всё! — не верила Наталья. — Похоронки ведь не было, а в извещении написано, что пропал без вести, а это большая разница, потому что неясно — жив он или нет.

— Пропал без вести — это и значит, что убит.

— Нет, пока похоронки не будет... — стояла на своём Наталья.

— И не будет, — не дал договорить Фёдор. — Мы в атаку пошли, я видел его впереди, а потом нас немец снарядами засыпал, его, видно, разорвало на куски, а такие считаются пропавшими без вести, раз тело не нашли... Зря тока родных обнадёживают, мол, пропал. Люди думают, может, найдётся ишшо, а покамест — без вести и всё, надо ждать когда окончательно прояснится. А на самом деле такие убитыми считаются.

— Врёшь ты всё, Федька!

— Не вру. Это тока мы знаем, кто был на фронте.

— Всё равно не верю. И мать Васи не верит. Вчера с Алёшкой её проводывали, так она ждёт, надеется. Сразу-то треугольнички от его были, это уж потом перестал писать...

— А чё ж раз надеется, то ты с Васяткиным сынком к себе не зовёт жить? От и ждали бы вместе. Вроде живёт она одна, Василий у тётки Дуся один сын, от какого-то там партизана...

На эти слова Наталье нечего было возразить. Она сама всё ждала, что мать её Васи всем сердцем признает внука и позовёт их в свою избу. Однако тётка Дуся не сильно-то их привечала, что коробило Наталью. Наверное, пожилая женщина не верила до конца, что этот светлоголовый мальчуган, сильно похожий на свою маму, от её черноволосого Васи. Он же ей про это ничего не сказал, когда уходил на фронт, да и в первых письмах ничего не сообщал. Словом, осторожничала тётка Дуся.

— Подожди, а ты разве с ним вместе воевал? — очнулась от своих мрачных мыслей Наталья. — Вас вроде в разные месяцы призвали...

— На фронте повстречались, на войне оно, знаешь, всяко бывает, — вещал дальше Фёдор, да так складно, что ему уже и самому нравился его рассказ. Главное — очень походило на правду. И утешал себя тем, что, может быть, это на самом деле так всё и есть, раз Василий не подаёт о себе никаких вестей.

— А от тётя Клава Черных говорела, — не поддавалась молодая женщина, — что ей муж писал, как его товарищ в плен угодил, его тоже потеряли, а он потом вернулся, да ишло и «языка» приволок.

— Сказки!

— Это у тя сказки! — Наталья присела на лавку возле бани. — Ты всегда любил приврать. Вся родова у вас така — врать да обманывать.

— Зря, Натаха, я правду говорю. Подумай над моими словами, — Фёдор присел возле Натальи и уже хотел обнять её за плечи, но не получилось.

— Уходи! — оттолкнула та навязчивого ухажёра и всхлипнула. — Не хочу тя боле видеть, одна отрава от тя...

— Ладно, покамест уйду. Но знай, что я люблю тя по-старому, хочу, чтобы стала мне женой и матерью наших детей. Не смотри, что я чуть хроменький, ишло всех здоровых обгоню.

Наталья продолжала плакать, прижав к лицу полотенце.

— И Васькиного сына приму как своёва — не обижу мальчишку. Буду любить как своёва, не обижу, — повторял он, — не бойся, ребёнок не виноват, — настойчиво уговаривал Фёдор.

— Уходи, чёрт окаянный! — не выдержала Наталья. — Змей ползучий...

— Ладно, уйду, — и Фёдор скрылся. На время, конечно. Он уже кожей чувствовал, что настал его час.

Из бани Наталья вернулась в дом своей родной тётки Нюры, у которой они жили вместе с матерью после того, как вскоре после начала войны сгорела их изба. А через полгода и похоронка на отца пришла, а там и на брата. Мать, особенно после известия о гибели сына, заболела и как-то быстро угасла.

Тётка Нюра жила одна в просторной избе: мужа зарезали в ещё в конце двадцатых годов в пьяной драке проезжие мужики возле чайной, старший сын воевал, младший сынок умер совсем малолетним.

Распаренная, Наталья сразу прилегла перевести дух в спальне на скрипучую железную кровать. К ней тут же прилёг игравший на полу, застеленном домоткаными дорожками, годовалый сынок Алёшка.

Тётка Нюра стала разогревать в кути нехитрый ужин — картошку, поджаренную ещё в обед на чугунной сковороде.

— Наталья, иди поешь. С ошурками, как ты любишь. Боле такой картошечки не поедим, остатки сала были, тепери поститься долго придётся. Алёшка-то поел, да видать не наелся, дак идите вдвоём, — говорливая тётка Нюра стала ставить на стол гранёные стаканы, в которые тут же налила молоко из глиняной крынки. — Молоко парное, как вы любите. Тоже, можить, последнее, у бабки Настасьи коро-ва опять в запуск наметилась.

После ужина тётка затеяла разговор. Для Натальи он был не из приятных, но пришлось слушать нотации близкой родственницы.

— Федька, как тока ты в баню ушла, заходил, тя спрашивал. Алёшке петушка на палочке принёс, брат на базаре в райцентре купил. Вишь, какой заботливый — гостинец ребёнку принёс. Алёшка его быстро слизал.

— «Заботливый»... Это он о себе заботится. Ко мне клинья подбивает. Чё тут не понять-то.

— Ну чё ты так сразу... Парень зашёл со всем уважением...

— И чё что заходил? Его дело... по селу слоняться... Как пришёл, так и ушёл.

— Ты, Наташка, не шибко-то гордись. Ребёнку отец нужен, а то дразнить начнут всяко: подзаборник или как ишшо обидней. Народ ить такой — беспутый да себе на уме.

Наталья промолчала, снова вспомнив про прохладное отношение матери Василия к внуку. Тем временем тётка Нюра ещё пуще распалаясь:

— Он девки... повыврастали, кофты от титек рвутся, а показать такую красотишшу некому будет... Пуговицы на кофтёнках так и отскакивают. На «полянке» потом девки свои пуговицы-то ищут. Их погодков на войне побил, а у новых ухажёров покамест пырки не выросли. А вырастут, так своих соплюх хватит. А эти, сёдняшние, чё делать будут, коль замуж некому будет позвать? Век одним куковать, чё ли?

— Как чё сказанёшь!

— Сказанёшь не сказанёшь, а соглашайся-ка ты, дева, на Федькино предложение, покамест парень просит.

— Да не люблю я его! Малахольный какой-то...

— Ой, девонька, езли бы нас кто спрашивал: любим мы аль не любим...

— Ты-то, тётъ Нюра, с дедом своим по любви жила, а меня на чё толкашь?

— Кто те сказал, что по любви? Так надоть было. Потом как-нить расскажу. Да и пожили с ём с гулькин нос. Ладно, чё об етим говореть. Почитай-ка мне лучше письмо от моёва сына. Ишшо охота послушать. Да помедленней читай-то...

— Не по слогам же, — Наталья взяла письмо-треугольник с этажерки. Взялась читать, как просила тётка — с толком, выражением и расстановкой.

Сын Прокопий сообщал, что тяжело ранен и контужен, лежит в госпитале в Свердловске, что скоро отправят в госпиталь в Улан-Удэ или Иркутск. А там будет медкомиссия, и его должны списать подчистую, потому что осколками пробил левую руку ниже локтя, перебило сухожилия, да и кисть сильно пострадала, собрать не удалось, пришлось ампутировать.

Пока Наталья читала все эти подробности, мать плакала, без конца вытирая концом платка слёзы. И вздыхала: «Сыночек мой, таки муки принял, таки муки...»

Наконец в конце письма Прокопий спрашивал, как его жена, ждёт ли его? Этот вопрос он задавал не просто так. У них с супругой не шибко-то заладилась семейная жизнь, главное — деток бог не давал. Валентина беременела, но каждый раз случались выкидыши. Однако перед самой войной она родила, но радости у Прокопия не было — уж никак не похож был малец на него. Вот и мучило мужика подозрение — его это пацанёнок или кого другого?

— Баба хвостатая попалася, — в который раз поддерживала сомнения сына мать. — Её ить давесь с бригадиром Балаболкой видели на заимке. От чё оне там вдвоём делали?

— Да мало ли. Она как-никак заведует фермой, он бригадир полеводческой бригады — можеть, по делам чё и встречались...

— «По делам»... Как же! Знаем мы енти дела...

— От чё ты раньше времени завелась, тётъ Нюра?! Ты чё, свечку держала, чё ли?

— От и завелась, что Пронька придёт без руки, а Валька его погонит из избы её тяти, царствие ему небесное. Где тада притулиться бедной головушке? К матери и придёт. И чё мы тут все толкаться будем? Запинаться друг о дружку без конца?..

Сказав про «запинаться», баба Нюра подумала ещё и о другом. Но сказать вслух постеснялась. Наталья ведь молодая совсем, зелёная, в жизни ничего ещё

не успела узнать, и могла бы не понять. А подумала умудрённая опытом женщина о том, что сынок Проня, хоть и покалеченный, но ишло мужик крепкий, без бабы-то ему как жить?.. Вот и потянет, чего доброго, на племянницу. Она вот... рядом ходит — и искать никуда идти не надо. «Господи, прости, как бы промеж имя чё не случилось!» И вспомнила, что перед войной был такой случай в деревне: свёкр на заимке к невестке стал приставать, проходу ей не давал, кобель паршивый... Но та не испугалась и пожаловалась мужу. Так сын родимого тятю так вожжами отходил, что тот не раз потом покался. Были на памяти тётки Нюры и другие срамные истории, так что, как говорится, надо сразу от греха подальше держаться.

— Он ить нову избу себе не поставит, без руки-то, — продолжала переживать баба Нюра. — А ты, езли не совсем дура, пойдёшь за этого свово Федыку. Парень он сурьёзный, на днях бригадиром его ставят. Хроменький не шибко. А так родова у их крепка — все братовья себе избы поставили. Это он тока в отцовой задержался, да тятя больной, ни сёдня-завтре помрёт, и его изба-то будет. А там, глядишь, и нову срубит, руки-то у него на месте. Рука это те не нога — с рукам всё сделать можно.

— Ой, тётъ Нюр! Заканчивай свою агитацию...

— Не ойкай! Кто тя с ребёнчишком-то ишло возьмёт, коли Федыке откажешь? Молоденьких невест полно, а женихов ноне раз и обчёлся.

— Можить, ишло Вася вернётся, чё я ему тада скажу?

— Вернётся, как же! Замучишься ждать. Говорит же Фёдор, что убили его, он сам видел. Тако рази можно соврать?

За неделю до Пасхи Фёдор заявился к Наталье и тётке Нюре — с самогонкой и старухой-свахой. Так и сговорились. Сыграли скромную свадьбу. Жених был рад-радёшенек! Не верил в своё счастье. А вот невеста не шибко-то улыбалась. Всё как-то опускала глаза, словно давая понять, что не её это воля, уж так получилось — от безысходности.

Вскоре Наталья забеременела. Односельчанки перешёптывались, глядя на растущий живот, мол, молодец Федыка, сильным мужиком оказался. В положенное время родился у них общий ребёнок — дочка Наденька.

И всё бы хорошо, да случилось однажды роковое несчастье. В тот августовский день Наталья отправилась с соседкой в ближний лесок за грибами — маслята после дождя так дружно повыскакивали, хоть литовкой коси. Своего первого сыночка, Васину кровинку, вместе с полугодовалой дочкой Наталья оставила с Фёдором. Тот, замотанный бригадирством, вернулся с заимки и хотел чуток передохнуть — в бане помыться, жену поцеловать. Уж как так получилось, но сынишка Василия утонул в бочке с водой, которая стояла возле бани. Недоглядел Фёдор. Но односельчане заподозрили его в страшном грехе: не захотел доглядывать. Своя дочка в зыбке спала, он сам лежал на кровати — дремал, а пасынок в ограде играл и зачем-то к бочке подлез — встал на старую массивную табуретку, оказавшуюся почему-то в этот момент подставленной к бочке... Кто её туда подставил? Не мог же ребёнок, у него бы в два с половиной годика силёнок не хватило... Вот о чём шептались на завалинках. Однако, как говорится, не пойман — не вор. Сам Федыка на похоронах плакал, клялся Наталье, что тока-тока прикорнул, сон его, шибко уставшего, сморил, а пацан тут же убежал без спросу играть, мол, больно шустрый мальчонка, не уследить за ним. Любил на воду в бочке смотреть, а тут сильно, видать, нагнулся, потому что воды в ёмкости было наполовину, и опрокинулся в неё невзначай. Что делать женщине — пришлось сделать вид, что поверила.

Шёл 1945 год, война подходила к концу, люди это чувствовали по сводкам Совинформбюро. Ждали, когда оставшиеся в живых мужики вернутся домой. В апреле вернулся и Василий, его подчистую комиссовали из госпиталя из-за тяжёлого ранения. Ох, как торопился он попасть домой! Больше двух недель добирался на крыше товарняка от Новосибирска до Иркутска. Не одну попутку сменил, прежде чем перешагнул порог материной избы.

Вечером, как водится, сидели за столом по случаю возвращения Василия с фронта.

В разгар встречин в избе появилась Наталья с животом. В утробе женщины теплилось второе дитя от Фёдора.

— Здрасьте всем, — стояла Наталья в дверях, не проходя к столу без приглашения.

— Проходи, раз пришла, — в голосе матери Василия чувствовалось недовольство.

— Да я на минутку, так тока, поздороваться с Василием.

— Здорово, Наташка! Проходи, садись за стол, — звал Василий.

— С возвращением, Вася! Заждались тут все тя.

— Особенно ты! — вырвалось у Василия. Мать сразу ему под столом наступила слегка на ногу в кирзовом солдатском сапоге, мол, не поминай сейчас.

И тут изрядно подвыпивший друг детства Прокопий отмочил:

— Я ить, Васька, хотел на твоей Наташке жениться. Ты пропал, а кто твоёва пацанёнка растить будет? Чужой мужик? Не-а, — поводил перед своим носом указательным пальцем рассказчик, — тока твой верный дружок, то есть я, Прокопий Гаврилыч. Да не успел. Хромой Федька тут как тут подвернулся, шустро так всё провернули с моёй матерью... Ну, вы всё сами знаете. А тут ты вернулся... Да и сыночка вашего уже нет... Выходит, жись сама развела нас по разным углам.

Пока всё это несвязно болтал Прокопий, Наталья с Василием устроили переглядки. Вроде соревнования — кто виноватее другого. Не выдержав, Наталья встала из-за стола:

— Пора мне домой. Спасибо, тётка Дуся.

— Чё так быстро хватилась, — пыталась остановить Наталью тётка Нюра, — стопочку чуть пригубила, не посидела толком...

— В другой раз, спасибо.

За Натальей вышел в ограду Василий.

— Что ж ты, Наташка, не дождалась меня? Сына не уберегла... Любовь ить промеж нас была!

— Сам знашь причину, Вася. Мать, поди, всё рассказала...

— Рассказала... Могла бы и подождать, — упрекал Василий, — хоть до конца войны бы потерпела. Бабы вон до сих пор своих мужиков ждут.

— Могла бы — не могла бы... — перебила Наталья. — Чё теперь об етим говорить. Дело сделано. Поздно!

— Сынок-то мой был?

— А чей же! Или забыл, как перед отправкой на фронт ночевали с тобой?

— Всё помню.

— А чё тогда спрашивашь?

— А чё не написала мне, я бы знал, что кровинка моя где-то растёт... Всё бы было помирать легшее, если чё...

— А кому писать, куда? Ты же пропал... Я сама это извещение видела. Сам ни одной весточки мне не прислал. А когда матери написал, я уж с Федькой связалась... Сбагрила меня тётка Нюра в его дом.

— Ой, Натаха, темнишь ты чё-то. Так запутаешься, что сама потом клубок этот не распутаешь... Матери-то я потом писал, ты же знала, что я живой!

— Это уж когда письмо от ты пришло, когда я за Фёдку пошла?!

— Не мог я написать! Чё тока не пережил... Как живой остался — сам до сих пор не верю. В госпиталях сколь лежал... Думал, не выживу. От смерти на шаг был... Думал, таким калекой останусь, что и домой не надо будет возвращаться...

— А тётка Дуся те разве не написала, что сынок у меня от ты растёт?

— Нет, — Василий был ошарашен.

— Чё же так-то?.. Ведь мы к ней приходили, о тебе спрашивали. Я всё думала, она нас к себе позовёт жить. Я-то ладно, но внук-то родной...

В соседней ограде скрипнул журавль колодца. Так тоскливо в этот момент стало Василию. Потерял он Наташку! Навсегда потерял! И сынишку, кровиночку свою, и её тоже не вернёшь! Теперь мучиться ему всю жизнь! Какой бы ладной стороной она не повернулась, да в полную радость уже не будет. Как говорит мать, как красивы заплатки не ставь, а кафтан новым не станет. Так и душа человеческая...

Тут подлетел на коне Фёдор. И с ходу набросился на Наталью:

— А ты чё тут делаешь? Марш домой!

— Не ругайся, меня тётка Дуся позвала, — соврала Наталья.

— Тётка Дуся её позвала...

— Да иду-иду, — и Наталья заспешила домой через дорогу.

— Чё, Фёдка, приревновал? — Василий приготовился к мужскому разговору.

— Было б к кому! Я ей муж, а ты кто? — увернулся от разговора Фёдор и не спеша последовал на коне за женой.

Вечером за окнами дома Фёдора была слышна ругань, выкрики: «Погань! На Ваську её снова потянуло!» Утром Наталью увидели на ферме с синяком под глазом, который она прятала под платком весь день. Пряталась от взглядов под коровами — доила и доила молчком. А потом поднялась со скамейки и схватилась за живот. Случились преждевременные роды. Мальчик родился слабеньким, недоношенным. Думали, и нескольких дней не проживёт. Так оно и вышло. Фёдор тогда чуть с ума не сошёл, тем более что Наталья больше не рожала. Бабы поговаривали, что «родилка» у неё больше не работала, раз выкидыш за выкидышем.

Фёдор встретил как-то Василия и обвинил его во всём, мол, из-за тебя случилось несчастье. Пришёл, расстроил Натаху, вот она и родила раньше срока. А то, что гонял её всю ночь, да по животу несколько раз ударил — помалкивал.

Осмотревшись по хозяйству, Василий увидел, что дровишек у матери совсем мало, поленница наполовину разобрана, на зиму точно не хватит, надо заготавливать. Отправился хлопотать на конный двор, чтобы лошадь в лес дали, а там конюх отправил его к бригадиру — Фёдке-злодею, мол, он теперь распоряжается этим делом:

— Без его команды никак не могу, ты уж не сердчай, Василий. Договорись с ём, а я чё? Моё дело маленькое, как начальство распорядится. Однако придётся ему бутылку самогонки ставить, так-то может и не выделить, чё попросишь.

— Дожили, дед, — только и сказал в ответ Василий.

Фёдку-бригадира Василий застал на зерновом складе. Объяснил свою просьбу и в конце напрямик заявил:

— Тока давай без самогонки обойдёмся. Этого я те посулить не могу. Жирно хрюкать будешь!

— А кто те за здорово живёшь делать чё будет? — Фёдор на глазах менялся в лице.

— Ну и паскуда же ты, Федька!

— Фёдор Егорыч, — пытался было вставить тот.

— Как был паскудой, так им и остался, — не слушая, продолжал Василий.

— Полайся-полайся... У меня своёва кобеля нет — может, пойдёшь, посажу на цепь. Собака лает — ветер носит...

— Я с ты ишшо за сына спрошу!

— Хватился! Он сам, моей вины тут нету. Непослушный такой пацанёнок был, всё норовил к бочке с водой подлезть, нравилось ему смотреть, как на воде комарики передвигаются... За этим занятием мы его с Натальей не раз заставляли. Вот и опрокинулся головой вниз...

— Не опрокинулся бы, если б ты табуретку специально не подставил, да доски сверху с бочки не убрал. Знал, что Алёшка полезет... — И вдруг догадался: — А может, ты его и окунул в бочку? Гад! Хуже фашиста!

Фёдор попятился, замотал головой:

— Да ты чё?! Не я это... Говорю ж, заснул я в избе...

— Не ты?! А вот кое-кто видел, что ты, — брал на понт трусливого мужика Василий.

— Кто это? Никого вроде вокруг не было, я смотрел, — проговорился Фёдор.

— Значит, ты! Убью, падла! — Василий двинулся на обидчика, но в это время на склад вошёл односельчанин. Удивился:

— Чё вы тут застряли?

— Да так... Вася вспомнил, как воевали, — и Федька ловко улизнул со склада.

С тех пор Василий и задумал наказать убийцу. И чем больше он думал, тем больше убеждал себя, что должен обязательно казнить эту сволочь. Такое никто не в состоянии простить. Отец должен отомстить за убиенного сына. Тот там, на небесах, ждёт этого — справедливого суда. Но думать одно, а претворять задуманное — другое.

Господь дал всё-таки сына Наталье и Фёдору, и они вроде как успокоились, зажили даже дружнее, чем прежде. Тем более, что сын Валерий рос здоровым, учился хорошо, без конца принимал участие в соревнованиях по лыжным гонкам, занимая призовые места. На родительских собраниях его всё время ставили в пример остальным ученикам. После армии сын поступил в областном городе в институт, стал инженером, женился на образованной девушке.

Уехала от отца с матерью и дочь Надя. Засидевшись в девках, она познакомилась по переписке с эком, отсидевшим свой срок в Магаданской области и оставшимся там работать. Сманил-таки бродяга доверчивую девушку на Крайний Север!

Как-то приехал погостить к Наталье и Фёдору их благополучный сын — с женой и двумя маленькими ребятишками. Встретившись с Василием Кузьмичём на улице, парень уважительно поздоровался с дядей Васей-фронтовиком. Перекинулись парой слов про жизнь — деревенскую и городскую. Провожал его взглядом Василий как родного сына. Ладным вырос парень, на молодую Наталью сильно походил. Такой же открытый взгляд, белозубая улыбка. От такой схожести ещё сильнее стала грызть тоска Василия. Ведь это мог быть их общий сын! Такой же вот красавец! И такие же внуки умные. Не то, что от его девок: двоих хулиганистых мальчишек вообще раз за разом на второй год оставляли учиться. Беспутная порода! Не его кровь! Любкина, его жены.

С ней Василий встретился у своей тётки Таисии. После скоропостижной кончины родной сестры Дуси та взялась заштопать рваные шаровары и рубахи племянника. Василий пришёл забрать починку, и увидел, как родственница гадает местной Любке по руке. В тот момент показалась ему девка такой бравенькой, приветливой... Чуть ли не невестой. Его, конечно. Поженились. Надо было жениться Василию, всё-таки двадцать семь лет от роду — это вам не шутки. Но Любка, кровей польских ссыльных, оказалась девкой поперечной. Он ей слово, она ему с полста в ответ, да таких хлёстких, что возразить нечем. Так и жили — как кошка с собакой. В минуты ругани Василий вспоминал Наталью — понимающую его с полуслова, с полудвижения. «Украл у меня Наташку Федька-хромоногий! В придачу и сына, кровинку мою, порешил. Убить ты мало, поганец!» — в отчаянии думал Василий.

Любка нарожала ему четверых девок. Все какие-то бестолковые получились. Халды! Выросли горластые — в мать. Нередко и на отца голос поднимали — туда не иди, там пол только что помыли, то не бери... Василий не связывался, мол, «умишка покамест у них нету, когда повзрослеют — поймут». Всех дочек Василий с Любкой кое-как сбагрили замуж. «Пускай теперь мужья с имя мучаются», — повторял при встречах с односельчанами Василий.

Любка умерла скоротечно. Пошла в магазин за хлебом, да по дороге рухнула — обширный инфаркт. Василий тогда плакал на похоронах, всё-таки двадцать пять лет промучились. Жалко ему было и Любку, и себя.

После похорон жены стал всё чаще задумываться Василий Кузьмич о прошлой жизни. Горевал и безутешно плакал по безвозвратной молодости — тому времени, когда была у них любовь с Натальей. Проклятая война, проклятый Федька! Нет, Наташку он не винил, жалел, что пришлось ей с обманщиком связаться. Если бы не было у неё детей от разлучника, так, может быть, сошлись бы они снова. «Как-нить сошлись бы и жили! Ишшо бы успели хоть одного совместного ребёнка родить. От судьба! Не живи, как хочешь, а как бог даст».

Встреча с сыном Натальи и Фёдора стала последней каплей. Палец, который долгие годы покоился на спусковом крючке, наконец нажал на курок. И прогремел роковой выстрел.

— А ты ему чё-нить успел сказать перед тем, как на курок нажать? — спросил Максим.

— Успел... Казню ты за сына. А он так руку ко мне протянул: «Да сам он, пошутил я тогда на складе...» А я нет, и выстрелил.

— Ишшо бы сказал «по законам военного времени», — вставил Серёга.

— А я по этим законам его и судил. С войны его пуля ждала.

— И дождалась, — подытожил Максим.

Вышли в ограду, сели на завалинку.

— Эх, Кузьмич, бедовая твоя головушка! Угрозило ты руки-то замарать. Всю войну прошёл, медалей да орденов на пиджаке — негде курице клюнуть, а под конец всё испортил, — Максим явно сочувствовал ветерану.

— Да, не подрасчитал маленько, — добавил Серёга. — Теперь срок дадут.

— Обязательно, куда я денусь, — согласился Василий Кузьмич. — Если разобратся, то сейчас я никому не нужен. Старуху, царство ей небесное, схоронил — три года уж как. Девки все работают по своим местам в райцентре, мужья им не шибко злые попались, внуков плодят одного за другим... Так что, получается, что я уже никому ничего не должен, вроде как лишним оказался.

— Как это лишним? А пенсия у ты сейчас — ветеранская. Поди, на сберкнижке с мильёнчик-то скопил? — подбадривал ветерана Максим.

— Какой мильён? Постоянно дочкам отправляю почтовыми переводами — мне-то куда деньги одному да ишшо в деревне? А имя есть куда в семье потратить, — простодушно признался фронтовик.

— Ну вот, а говорил, зачем на земле задержался! Вон как своей родне нужен! Они ты часто навещают? Пишут хоть письма?

Василий Кузьмич оглядел ограду, заметил сломанную доску в заплоте.

— Прошлой осенью старшая дочка за картошкой приезжала, да зять по пьяной лавочке на своей машине упёрся в заплот. Заплот, слава богу, крепким оказался, а от одну доску всё-таки проломил, лихач чёртов. — И вдруг вернулся к содеянному: — Зря я его, конечно, уханькал. Надо было пораньше, сразу, как с войны вернулся, а теперь!.. — начал сомневаться фронтовик. — Пусть бы дале жил, пусть бы совесть до конца дней ему глаза колола. С нечистой совестью жить пострашнее, чем на тот свет отправиться. Все тут, кто давно живут, рассудят как-нить... — И стал отправлять Серёгу: — Серёга, ты сходи к народу — предупреди там, что нашли меня, и что я никуда не денусь, пусть участковый приходит, я на месте. Максим покамест покараулит меня. Да я и так не сбегу. Незачем, отведу по всей строгости закона.

— Ладно, Кузьмич. Ждите тут, — согласился Серёга и вышел за ворота.

— А я пойду свиньям остатки жратвы вылью, а то вечером-то некому будет кормить, — встал со скамейки ветеран. — Вы уж последите тут за живностью, пока кто-нить из дочек приедет. — Заметив в глазах Максима тревогу, успокоил: — Не думай, ничё с собой не сделаю, карабин остался в водовозке, повеситься — верёвки подходящей нет. Не веришь — пойдём со мной в стайку.

Максим ничего не ответил, и Василий Кузьмич побрёл на скотный двор в одиночку. Там он практически машинально похлопотал по хозяйству. После чего присел на завалинку возле стайки и стал прогонять в голове последствия утренней трагедии. Пожалуй, впервые за весь день он стал отчётливо осознавать последствия убийства Фёдора. Фронтовик уже сам не был уверен, что поступил правильно: стоило ли убивать? Понятное дело, открылась давнишняя рана, душевная боль не давала покоя, особенно по ночам. И он не нашёл ничего лучшего, как расправиться со своим давнишним врагом. В этом его трагедия! Стихия победила разум. Он совершил двойное преступление: убийство человека, и главное — убив Фёдора, лишил материальной помощи близких своего врага. Как Наталья теперь будет жить одна, без мужских рук по хозяйству и без неплохой инвалидной пенсии мужа? Ведь вдвоём они и внукам ещё помогали. Уж если убивать Федьку, то надо было это делать ещё в сорок пятом, когда у них была только одна дочка, а теперь, когда Фёдор был накрепко связан с близкими, теперь-то какого чёрта! Выходит, что он оборвал нити, которые никто не имел права обрывать. Василий Кузьмич думал свою мрачную думку, и на душе становилось всё пакостней.

Тут подошёл к нему не усидевший один на завалинке Максим. Он подождал в ограде, но потом решил всё же не оставлять без присмотра Василия Кузьмича. И нашёл его сидящим возле стайки, тот безучастно наблюдал, как боров с жадностью уплетал из деревянного корыта хозяйское варево.

— Ничё се боров вымахал! — заметил Максим, подойдя вплотную к Василию Кузьмичу.

— Сало должно быть с прослойками, — равнодушно отозвался тот. — Мне земляк один рассказывал, как он первого фрица ухайдачал — как свинью...

— Это как?

— Да как от этого борава. Подпустил поближе, а было это в Литве на границе, в самом начале войны, да и жажнул из винтовки. Сам он охотник, стрелял без промаху.

— Таёжник?

— Он самый. Ну и от, грит, впечатление было такое, будто свинью в колхозе пристрелил. Сильно близко подпустил, успел рассмотреть вражину — немец, ганс этот, рослый такой попался, а лицо вроде не злое, даже какое-то ребячье. На гражданке мог бы пиво своё баварское пить, да гансиков таких же здоровеньких производить. А так ... От не суйся на нашу землю!

— И где он сейчас?

— Кто?

— Ну не немец же! Этот... охотник — земляк твой?

— А-а-а... Сашка-то? Да в соседнем районе зоотехником до сих пор работает, быкам хвосты крутит. Я к нему как-то заезжал, бутылку с ём распили — поговорели по душам, молодость свою фронтовую вспомнили, друзей погибших...

— Семья у него есть?

— А как же! Он с войны пришёл — так десятерых успел настрогать, все живы-здоровы. Один, правда, старшенький, тока недоразвитый какой-то родился, в интернате для инвалидов так и живёт, а так все нормальные. И жена хозяйственна попалась, с детворой успеваает управляться и всюю по хозяйству шустрит. Я заехал к имя, так такой стол собрала — просто загляденье.

— Десятерых? Вот жилистый мужик!

— Так они же всех подряд на свет пускают. Не то, что вы, молодёжь, баб своих без конца на аборт гоняете.

— Дак всех разве прокормить... — попытался оправдаться Максим. — Да и моя не сильно-то хочет с пелёнками возиться. Грит, в детстве с братишками наводилась.

— А этот, гансик, ни одного, видно, не родил, раз молодой был совсем, — возобновил тему Василий Кузьмич.

— А мог бы...

— Сам виноват! Почо полез — на нас, русских! Сибиряков! Ну не дурак ли?

— На Сашку твоёва нарвался! — уточнил Максим.

— От пошто после войны несподручно было убивать? Надоело за войну! Не приведи господь целиться в человека, да ишло в мирно время... В бою понятно: или ты его, или он тя. По-другому никак.

За разговорами не заметили, как вернулся Серёга. Он стоял за спинами и слушал, а потом доложил:

— Участкового покамест не нашли, и на реке его нет, так что народ ждёт, не расходится. Я всё доложил, мол, Василий Кузьмич под нашей охраной, как найдут участкового — пускай к нам идёт.

— Тада пошли, мужики, в избу, — позвал движением руки поднявшийся с лавочки фронтовик, — там у меня за заборкой, в шкафчике, ишло одна бутылка припрятана. Раздавим и её напоследок!

— Да ты никак специально запрятал, чтоб с собой в кутузку прихватить! С новыми корешами зазнакомиться! — смеялся Серёга.

За распитием самогонки Серёга стал снова приставать с расспросами к Василию Кузьмичу:

— Расскажи какой-нибудь случай, нам же интересно, как отцы наши на фронте себя вели.

— Ну вы как пионеры в школе! Те тоже всегда просят какой-нибудь случай рассказать, или за чё я награды получил, за какой подвиг.

— Поведай уж, дядя Вася, а то посадят, — брякнул захмелевший Серёга, — будешь тока в камере рассказывать. И то, если попросят.

— Да чё про войну вспоминать, будь она неладна! Я уж вам наговорел сёдня, хватит так-то...

— Да, может, чё нового вспомнишь?..

— Ой... — тяжело вздохнул фронтовик. — Стока вшей в окопах накормил — вам и не снилось. Бывало, так заедали, что не вытерпишь, вылезешь из землянки или какого укрытия, сымешь с себя гимнастёрку да тряханёшь что есть силы. А на снегу после этого словно пшено набросали — так много их, тварей, было. Изъедали нашего брата...

— А в бане чё — совсем не мыслишь?

— Какая баня в окопах? Бельё на теле от пота и грязи истлевало — от чё было. А ишшо отчего у меня желудок больной? На фронте испортил. Бывало, голодали сутками, особенно когда всё время в бою... Кухни за нами не поспевали, а может, и прятались где, пока мы фрицев прикладами наяривали. А хлеб?! Привезут зимой — обязательно мёрзлый, хоть топором руби, а суп — штыком ковырай. Какой желудок таку кормежку выдержит?..

Участковый прибыл только к вечеру. Наручники на руки фронтовика не стал надевать.

— И так не сбежит, — и повёл без лишних разговоров Василия Кузьмича на улицу, усадил его в люльку милицейского мотоцикла «Урал». Напоследок только сказал Серёге и Максиму: — Завтра с утра ко мне подходите.

После пережитого за день мужики возвращались в подавленном душевном состоянии. Подошли к Серёгиному дому.

— Зайдём? Небось, дожидается на столе «злодейка», — на всякий случай предложил Серёга.

— Пошли, — по привычке согласился Максим. Пить, по правде говоря, не хотелось: утром была причина — поправить голову, а теперь она и так была на месте, да в придачу начала как-то по-другому думать.

Недопитой с утра бутылки на столе в летней кухне не оказалось.

— Гутькина работа, — догадался Серёга. — Пойти выжать?

— Да ну её, не связывайся. Давай-ка лучше по домам, завтра с утра показания давать будем.

Максим отправился к своему дому. Он не торопился, там жена с расспросами сразу начнёт приставать, а ему хотелось подольше побыть одному, «пораскинуть мозгой». Идти пришлось на другой конец села. Одолев середину пути, Максим присел на лавочку возле палисадника чьего-то дома. В темноте да в подпитии не смог разобрать, чья это изба. Света в окнах не было, он решил, что хозяева легли спать. Вытащив из одного кармана брюк пачку «Беломорканала», а из другого коробок спичек, закурил. Выкурив папиросу, остался сидеть. На улице было тихо, даже собаки угомонились, к тому же в воздухе стоял дурмящий запах цветущей черёмухи. Живи и радуйся! Но как-то сами собой пришли мысли о военном детстве. Хотя эти тяжёлые годы и детством-то назвать язык не поворачивается.

Вот только почему он вспомнил свою войну так остро именно сейчас? Боль вроде утихла — и всё. А тут на тебе! Видимо, срок подошёл...

Ему было семь лет, когда отца, совестливого труженика, забрали на фронт. Случилось это сразу после уборочной, в октябре сорок первого. Мать тогда ходила девятым ребёнком. Витька родился через четыре месяца, став замыкающим в семье, за что его прозвали заскрёбышем. Максиму было поручено приглядывать за братишкой, и он «присмотрел» за ним так, что тот едва не умер от воспаления. Еды в доме не было никакой, хоть шаром покати, а Витька всё время хныкал и просил есть. Тогда Максим и придумал... Накормил брата льдинками, которые доставал из ведра с замёрзшей за ночь водой. Брат заболел, едва спасли. К Матрёне-травнице его носили: та заговорами лечила да травами, а мать растирала грудь самогонкой, да давала пить горячее молоко с собачьим жиром, который достала у старика-отшельника, жившего на краю села. Помогло. А потом брат вырос крепким, видным парнем, но с хулиганским нравом. Для послевоенных детей, особенно пацанов, безотцовщина сыграла свою дьявольскую роль. Доброго отцовского примера мальчишки не знали, а дурному всяк на улице научит.

Четыре года Витька прослужил на Тихоокеанском флоте и домой вернулся возмужавшим. Сразу женился на первой деревенской красавице Нине, заведующей клубом, с которой уже через два месяца развелись — пьяный муж приложил флотскую руку к нежному личику своей избранницы. А вскоре «замыкающий» загремел в тюрьму — по хмельной лавочке забрёл к незамужней учительнице, работавшей в десятилетке первый год после окончания иныза, да захотел у неё остаться заночевать. Была зима и, как он объяснял потом следователю, побоялся не дойти до дому, мог где-нибудь в сугробе замёрзнуть. А вот «учителка» не так всё поняла, стала кричать и грубо выпроваживать его из своей общежитской комнаты. Тут-то «заскрёбыш» снова приложил свою натренированную ручку к ещё более нежному, нежно-персиковому личику, чем сильно напугал молоденькую женщину, не побоявшуюся, однако, выскочить из комнаты и ночью разыскать участкового милиционера. Так брат заработал срок — три года колонии общего режима. Честно отсидел, вернулся с «курорта» домой, снова женился, но на другой, покладистой девушке. К тому же к спиртному он охладел, и стал вести вполне приличный образ жизни главы семейства.

И почему Максим именно сейчас вспомнил про брата? Наверное, потому, что несмышлёным парнишкой чуть не угробил его. Витька войны не помнит, вроде как всё это время был во сне, дрёме, — продолжал свои думы Максим. А вот он помнит... И как наголодался, и как толком не выучился. «Писать, считать мало-мало умеете и ладно, не пропадёте», — рассуждала в лихолетье рано постаревшая от непосильной работы мать. Летом от зари до заката она вместе с другими колхозницами пропадала в поле, зимой с бабьей бригадой заготавливала дрова в лесу. Женщины сами, с помощью ручных пил, валили лес. Деревья старались выбирать такие, где стволы потоньше, иначе было не справиться без мужиков. Сучья поваленных сосен и лиственниц затем отсекали топорами. Голые брёвна старались прямо в лесу распилить на чурки, чтобы легче было грузить их на сани-волокуши. А ещё мать добросовестно трудилась телятницей и дояркой на молочно-товарной ферме, и иногда по просьбе председателя сельсовета возила из райцентра почту.

Как-то зимой вместе с почтой мать привезла в железной коробке-бобине кинофильм «Весёлые ребята». Добралась затемно, коня Игреньку распрягли старшие ребята, сани закатали под крышку-навес. Почтовую корреспонденцию и фильм

занесли в избу, мать хотела утром сдать всё это «богатство» кому положено. Но ребячье любопытство взяло верх. Как же они вытерпят и только завтра, может быть, посмотрят кинокартину в клубе, когда она вот тут, рядом лежит. Ребятишки дождались, пока намёрзшая за дорогу мать уснула. Достали плёнку и стали рассматривать кадры при свете керосиновой лампы. «Вот дураки-то были!» — усмехнулся Максим. Толком ничего не рассмотрели, только плёнку с бобины размотали, обратно назад как следует смотать не смогли, не сумели, в одном месте даже умудрились порвать. Наутро мать всем такой разнос устроила, что впору было под лавками прятаться.

Однажды мать снова отправилась за почтой, и долго не возвращалась. Уже ночь, а её нет и нет. Ребятишки испугались, что где-нибудь замёрзла, или волки напали, в тот год их было видимо-невидимо. Ждали и не спали, потому что мать должна была привезти из района еду, там у неё образовалась знакомая кладовщица в заготконторе. Мать вернулась под утро, когда ребятню, конечно же, сморил сон. Оказывается, исхудавший от скудной кормёжки конь Игренька стал в дороге задыхаться, кое-как передвигаясь. Казалось, что вот-вот его ослабевшие ноги подломятся. Мать наревелась, уговаривая животное словно человека: «Тока до дому дотяни, Игренька...» Потом вдруг вспомнила случай, который она слышала от бывшего конюха. Отломил кусок от буханки хлеба, который ей сунула в котомку кладовщица, поднесла к пасти животного: «На от... пожуй, Игренька, легче станет...» Тот тёплыми губами пытался захватить мякоть... Получилось, и он медленно прожевал ржаную краюшку. Мать, поглаживая его по морде, называла самыми ласковыми словами, какие только знала. И произошло чудо! Мать потом рассказывала, что приготовилась на худой конец сама впрягаться в сани, да бог миловал. Игреньку потом дня три не трогали, отпаивали разведённым тёплым молоком, а украв от чужого зарода несколько увесистых охапок душистого сена, кормили его. Помогло! Конь ещё лет десять и после войны проработал в колхозе. А тогда мать, намучавшись за ночь, прежде чем беззвучно лечь на лавку подремать, вытащила гостинцы из котомки. Когда проснулась, то увидела, как ребятишки, забыв про свои вчерашние переживания, дружно уминают пряники, хвастаясь друг перед другом: «А у меня-то от какой!»

А вот ещё случай. Пострашней других будет. В сорок пятом, перед самой победой, довелось подростку Максиму быть прицепщиком на тракторе. В тот день вместе с комиссованным Николаем Вотяковым, танкистом с обгоревшим лицом, пластались они, вспахивая огромное продолговатое поле. Танкиста прихватил очередной приступ. Оказывается, у него в госпитале отрезали одно «сгоревшее» лёгкое, и с тех пор он стал задыхаться от тяжёлого труда. Вот и на этот раз ему стало не хватать воздуха, губы посинели. Максим испугался, помог дойти Николаю до кромки поля, уложил скрюченного парня возле старой поваленной берёзы, подложив ему под голову промасленный мазутный бушлат: «Отдышись маленько, а то мы весь день без передыху. А я покамест добыю клин, и вместе на заимку тронемся...» Николай вдруг весь напрягся, пытаясь что-то сказать, но изо рта вырывались только непонятные звуки... И потом затих. Испугался мальчишка, стал трясти его за рукав: «Ты чё это?! Чё с тобой? Вставай, дядь Коля, я как ты один-то подыму...» Наконец сообразил, что танкист умер. Сбегал на заимку, что находилась в нескольких километрах от вспаханного поля, позвал двух стариков-конюхов. Те погрузили уже успевшее закаменеть тело танкиста, и один повёз его в село.

После жуткого происшествия Максим вернулся на заимку. Едва заглушив трак-

тор, смертельно уставший, он повалился на мешки с зерном и заснул. Проснулся утром следующего дня от вкусного запаха какого-то мясного варева. Спросонья догадался, что в котелке на костре варится подстреленный кем-то из конюхов глухарь. Максим ждал, что вот-вот его позовут поесть, особенно после пережитого вчера. Но вместо этого услышал такой разговор...

— Кажись, готово, — помешал деревянной ложкой и попробовал варево старик Анисий, Максим узнал его по сипловатому голосу.

— Пусть покипит, наваристой будет, — отозвался другой, по имени Антон.

— Максимку-то будем счас звать? Натерпелся за день сердешный — на Николая мёртвого насмотрелся.

— Запах учует — сам прибежит.

— Чай, не собака он — чують-то.

— Не переживай, поди, спит ишшо — разоспался пацанёнок.

— Ладно, оставим ему, проснётся — поест, ишшо не остынет.

— А остынет — так холодное поест, чай, не барин.

— Ладно те, всё ж мальчонка ишшо, заботы требует. Отца у ево опять же убило...

Я от рос без тяти, так натерпелся несправедливости! Некому было заступиться...

— О, опять ты развёл свою канитель... Лучче об посевной думай.

— Охо-хо, чё тут думать... Чё б мы без ребятни делали. Не сёдня-завтре их с колхоза нагонят — управимся с божьей помощью. И сеять пора — я давеча землю шшупал: готова, родимая...

— Пора-пора, — согласился Антон.

— Нет, Антон, ты как хошь, а я пойду — позову парня.

Дед Анисий встал и, чуть прихрамывая, побрёл к амбару. Максим от обидных слов деда Антона притворился спящим.

— Максимка, вставай, поешь с нам, — Анисий стал легонько будить пацана за плечо.

Безрезультатно, тот будто спал крепко. Конюх вернулся к костру:

— Разоспался малец, спит без задних ног.

— А те чё говорил... Ись захочет — прибежит как миленький, голод не тётка.

— Ну чё ты заладил! Завтре на займку бригадир вернётся, так пораньше надо лошадёнку запрячь, пусть Максимку с собой увозит, парнишка хоть в бане поможет, с матерью повидатся...

— Чё туда-сюда мотаться! Лошадь почём зря гонять, так сбегат — ноги у ево не то, что наши — поживей будут.

От этих слов слёзы прошибли подростка. Максимка ещё раз повёл носом, глубже вдохнул доносящийся ароматный запах наваристой глухариной похлёбки. Вот так-то без отца жить — любой норовит обидеть. А был бы тятя живой, уж он-то такого точно не допустил бы.

Вспомнил Максим, как в четвёртый год войны, а исполнилось ему тогда только одиннадцать лет, напросился с пожилым соседом, которого не забрали из-за возраста, на охоту в тайгу. Тот кое-как согласился, это уж после того, как мать его упросила. В семье к тому времени харч совсем поизвёлся, ели одну картошку в мундире, вернее, что от неё осталось. Так как всё, что выращивали на личном огороде и колхозных полях, сдавали для нужд фронта, себе оставались крохи. К ноябрю-декабрю все припасы кончались. Голод душил! Ребятишки всё прыгали и прыгали в пустое подполье, перерыв там, как кроты, на сто рядов все углы. Надеялись, что где-то завалылась хоть одна картошинка, или какой огрызок от неё.

С нетерпением дождавшись весны, а там и лета, сулившего ягоды и грибы, все пучки в округе съедали, не говоря уже о крапиве. Её варили в кипятке, чуть заправив горсткой муки, и то, если повезёт выпросить чашку муки у более зажиточных родственников — родного брата отца, горбатенького от рождения дяди Пети. Когда здоровые мужики ушли на фронт, его поставили кладовщиком. А на этой должности, бывало, где-то что-то и перепало. Ребятишки это прочухали, стали чаще играть с детьми дяди Пети. А те, простодушные, делились с двоюродными братьями и сёстрами то ломтём шаньги, то пирожком с капустой, а то и мучки подсыпят, когда отец с матерью не видят. На какие только хитрости не шла голодная ребятня, Максим первый в их числе. Как только не подговаривался, чтобы хоть чего-то перепало со стола да из кладовки родного дядьки. Сам-то он ни разу не спросил у жены брата, как она одна перебивается без мужа, воевавшего на фронте, как справляется с такой оравой, чем кормит племянников... А ведь знал, знал, что они голодают!

На отца Максима пришла похоронка в мае сорок четвёртого. Сложил сибиряк свою честную головушку на Украине. Мать белугой ревела, чуть руки на себя не наложила. Хорошо, старшая сестра Максима Галя почувала неладное, пошла за матерью в стайку, куда та направилась вроде как подбросить сена корове. Но сено-то уж с месяц как кончилось, выгоняли на кормёжку в поле, где едва пробивалась трава. Вовремя подоспела Галя, мать уж петлю на шею накинула... Девочка-подросток давай плакать, уговаривать мать не бросать их: «Куда ты собралась, пропадём же без тебя!» Слава богу, обошлось.

Максим снова вернулся к воспоминаниям про охоту... В тот раз удалось подстрелить на охоте козу. Дед Денис пожалел подростка и специально дал ему первым выстрелить из отцовского ружья. Добычу поделили поровну. А в другой раз Максим отправился в тайгу уже самостоятельно, мать отговаривала, но не сильно, поняла, что сын становится добытчиком в семье и может спасти своих сестрёнок и братишек от голода. И снова удача улыбнулась юному охотнику. Пробыл он в лесу весь день, промёрз до костей, но всё же подстрелил двух зайцев и козу. А потом, выбиваясь из сил, кое-как дотащил по снегу добычу. Разделявали тушу козы в бане, мать не могла нарадоваться сыну-кормильцу.

Войну кое-как пережили, и сильно надеялись, что, наконец-то, вдоволь поедят хлеба. Но наступили годы неурожая, пришлось снова спасаться милой крапивой. Вспоминая о ней, Максим, кажется, ощутил во рту этот чудный вкус травы, густо росшей за баней, возле уборной, вдоль заплотов — рви не хочу. Такая витаминная похлебка получалась! А осенью томили в русской печи брюкву, получались вкуснее конфет «парёнки». Словом, всё съедобное вокруг съедалось до травинки, словно саранча прошла.

Дальше жизнь налаживалась. Осенью пятьдесят второго Максима призвали в армию. Служил на Дальнем Востоке водителем бензовоза, подвозил горючее к самолётам. Правда, там и пить научился — спирт доставали у «летунов». Но курить так и не начал — деревенский организм не принимал эту отраву. А вот пили в селе практически все мужики — сначала за победу над фашистской Германией, со слезами вспоминая погибших родных и односельчан. Покалеченные души людей находили утешение не только в скудных бытовых радостях, но и на дне гранёного стакана. Ну а как в такие минуты русскому человеку обойтись без водки да самогона? Да никак! Эх, наливай, друг, наливай, да не раздумывай — со всеми за компанию не грех и выпить. Словом, всякое горе, душевную муку заливали спирт-

ным. Аромат пребывания на грешной земле для большинства мужиков измерялся количеством принятых на грудь стаканов с вечера и тяжестью похмелья с утра.

Шампанское в деревне появилось позднее — в середине шестидесятых. А вот пива в сельмаг так ни разу и не завезли. Его привозили иногда только из города или райцентра, если удавалось когда выбраться туда по делам. А уж какие гулянки по праздникам в те годы устраивались! Столько еды уже на столах было! Бывало, захмелевшие мужики в пельмешках размером с копеечку окурки тушили. Вот уж русский характер — в войну наголодались, а тут...

Из-за частых выпивок с друзьями-механизаторами, с женой, с которой познакомился Максим в райцентре на переговорном пункте, где Мария работала телефонисткой, начались скандалы, нехорошим оказался в подпитии Максим. Дурным! Мог свою Маруську с дочкой из дома пугануть так, что те прятались то у соседей в сарае, то на огороде в картофельной ботве. А на следующий день, проспавшись, не знал, с какой стороны подступиться к ним, чтоб простили его, беспутного, и назад вернулись. Те, конечно, возвращались — под честное слово, что больше такого не повторится.

Чем больше Максим думал о пережитом, тем тревожнее становилось на душе, будто кошки по ней скребли. Ещё утром так было беспечно, даже весело: привычные в таких случаях мужицкие забавы с примесью куража... А потом раз — и всё перевернулось. Война вмешалась! Будь она проклята. Никак не хочет отпускать. Вот наказание-то, прямо мучение какое-то... Казнь! Нет, хуже казни! Как калёным железом жжёт нестерпимый стыд за голодное детство и унижения. А ведь Максим и такие, как он, ни в чём не виноваты. Так за что же казнить себя? За что стыдно? За то, что кое-как писать-считать научился? Вон даже дочь над ним смеётся, мол, двух слов толком написать не можешь. Ей легко над отцом смеяться, одни пятёрки из школы носит, на уроках об еде не думает. А у него образование четыре класса и «колидор». Конечно, перед дочкой бывает неудобно. Как-то написал письмо двоюродному брату с просьбой от жены достать в городе редкое лекарство, а та попросила дочку: «Проверь-ка, без ошибок хоть написал». Та прочитала и изрекла: «Сроду таких грамотеев не встречала. Давай лучше сама напишу». И переписала своим красивым почерком.

Или казнить себя за то, что не выбился в люди из-за своей малограмотности? И что ни разу не свозил свою семью на Чёрное море? Жена всё время упрекает: мол, другие хоть где-то бывают, а мы никак от скота оторваться не можем! Пускай хоть дочь, мечтает она, после десятилетки вырвется в город, выучится на врача или учительницу. И хорошо бы замуж вышла за образованного парня, да желательно из обеспеченной семьи... Мечтать, говорят, не вредно.

Почти в каждом человеке живёт мечта, та, что время от времени острой болью берedit душу, напоминает о себе: не забывай, человек, ради чего ты появился на свет. Одни всю жизнь мечтают, другие, более сильные духом и целеустремлённые, трудолюбивые, претворяют свою мечту в реальность. Была ли такая мечта у Максима? Такой вопрос он себе никогда не задавал. Жил просто и открыто. Как все вокруг — не выделялся. И даже когда Юрий Гагарин полетел в космос, он подумал: вот молодец парень, я бы так не смог, да мне это и не надо, живу себе и живу на родной земле — свои дела, свои хлопоты.

«Охо-хо», — тяжело вздохнул Максим, поднимаясь с чужой скамейки у палисадника. Сколько же времени понадобится, думал он, подходя к своему дому, где ещё горел свет в окнах, чтобы ущербное, скорбное прошлое забылось совсем?

Безвозвратно. А с другой стороны, надо ли, чтоб забылось? Надо не надо, а война сама, пока живы те, кто её пережил, не даст о себе забыть, её суровый отпечаток — на всех нас.

...Судили фронтовика за убийство Фёдора Спиридонова в сельском клубе. Был показательный процесс, на который собрался весь взрослый народ села Нижний Вал. Судье, ветерану с орденскими колодками на пиджаке, настроенному скостить срок наказания Василию Кузьмичу, особенно необходимо было это открытое заседание. Он надеялся на показания свидетелей, их отношение к произошедшему. В данном случае большую роль играл общий настрой односельчан. А он, по результатам следствия, был на стороне обвиняемого.

И судебские надежды оправдались. Односельчане один за другим, среди них были и Серёга с Максимом, вспоминали не только то, что видели в тот роковой день, но и рассказали заодно, какие были в жизни ответчик и застреленный. Про первого говорили, что он настоящий мужик, заслуженный фронтовик, никого и никогда не обидел и не унизил. «Никада никому врѣшь не сказал», — заверяла суд баба Груня, старожил села. А вот Фёдору, даже после смерти, досталось на орехи. Одна женщина средних лет вспомнила, как в бригаде на заимке под амбаром она, девчонкой ещё, сделала дырочку, откуда помаленьку сыпалось зерно. «Бывало, зерно насыплется в кулак, мы с Тонькой, моёй сестрѣнкой, распарим тайком в кипятке и втихаря съедали, а потом «по большому» бегали в соседний лесок, чтоб никто ничѣ не заподозрил. И вот один раз нас дядя Федя поймал возле амбара, пригрозил, что посадют и нас, и нашу мать в тюрьму за воровство. А мы просто очень есть хотели». Другой свидетель припомнил, как объездчик Федька отбирал колоски, собранные ребятишками в поле. Вспомнил и Максим, как однажды Фёдор Спиридонов прибыл на заимку на коне, мальчишка попросился с ним обратно до деревни: «Подсади, дядя Федя, я лёгкий, коню не тяжело будет». Но вместо того, чтобы взять парнишку, весившего не больше сорока килограммов, Фёдор рассмеялся: «Ишь чѣ придумал! Так беги!» И Максимка бежал за ним, как собачонка, боялся отстать, ведь в тот год вокруг много волков расплодилось. А тот всё рысцой на коне норовил скакать, даже ни разу не обернулся назад. Зал слушал внимательно, стояла удивительная тишина. Все понимали, что такую обиду не вытравишь из сердца до самого смертного часа. Судья не перебивал — пронзительные, честные показания работали на его план.

В итоге Василию Кузьмичу Большакову, под общее одобрение присутствующих на выездном заседании, был назначен минимальный срок. Наталья, услышав приговор, не проронила ни слова.

Когда конвоиры уводили осуждённого из клуба, он успел ей сказать:

— Прощай, Наталья! Прости, что счастьем вашему помешал.

— Нашѣл, када вспоминать! Тридцать лет прошло...

— Выходит, моя память длинней твоей оказалась.

Вскоре фронтовик попал под амнистию в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне.